

Евгений Майбурд

Фиктивный «Капитал»

Главная книга Карла Маркса: О чем она и зачем?¹

Примечание от меня (Wagax):

Увы, автор явно за капиталист, поэтому предвзят. Однако свою задачу — критику «Капитала» — он выполняет неплохо. Отдельные фрагменты я прокомментировал.

Суть в том, что неразумно кидаться в дихотомии: если автор критики в чём-то и не прав, это не значит, что надо ратовать за капитализм, если отказываться от антинаучной теории марксизма.

*...он рассматривает, как истинно человеческую,
только теоретическую деятельность...
Он не понимает поэтому значения «революционной»,
«практически-критической» деятельности.*

К. Маркс. «Тезисы о Фейербахе» (1845)

*Идеи вообще ничего не могут осуществить.
Для осуществления идей требуются люди,
которые должны употребить практическую силу.*

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Святое семейство» (1844)

*Оружие критики не может, конечно, заменить
критики оружием, материальная сила должна
быть опрокинута материальной же силой;
но и теория становится материальной силой,
как только она овладевает массами.*

*...Подобно тому, как философия находит
в пролетариате свое материальное оружие,
так и пролетариат находит в философии
свое духовное оружие, и как только молния
мысли основательно ударит в эту нетронутую
почву, совершится эмансипация немца и человека.*

**К. Маркс. «Введение к критике гегелевской
философии права» (конец 1843 — начало 1844).**

Честные намерения

Прочитав вёрстку последних листов 1-го тома «Капитала», Энгельс пишет другу:
«Счастье, что в книге "действие развёртывается", так сказать, почти только в
Англии, в противном случае вступил бы в силу § 100 Прусского уголовного
кодекса: "Кто... подстрекает подданных государства на взаимную ненависть" и
т. д. и повлёт бы за собой конфискацию».

¹ Переработанный вариант статьи, опубликованной под тем же названием в «Независимой газете» (Москва) 7 июля 1992 г. Все ссылки на «Капитал» даются только в виде номеров страниц, так как все издания в СССР были стандартными.

Маркс отвечает:

«Что касается конфискации и запрещения моей книги, то ведь одно дело — запретить избирательные памфлеты, а другое дело — книгу в 50 листов, да ещё столь учёного вида и даже с примечаниями по-гречески».

Книга в это время (1867) печаталась в Германии, и этот обмен мнениями звучит многозначительно.

По сей день, многие склонны представлять Маркса в нескольких ипостасях — как учёного, как мыслителя, как историка, как политического агитатора, — рассматривая каждую ипостась в отдельности. И вот, только лишь заговорят о Марксе «как учёном», отовсюду слышится шорох: это *думающие* люди дружно расшаркиваются перед его «железной логикой», «блестящими доказательствами», «мастерским описанием капиталистической действительности» и т. п. Вопрос тяжёлый, ибо, не говоря уже о твердокаменных марксистах, даже в среде «буржуазных учёных» авторитет Маркса как аналитика капиталистического хозяйственного уклада и его истории — весьма высок. Многие его положения и термины прочно вошли в научный обиход.

Благородная цель

Что «Капитал» не был завершён, знают все. Я имею в виду «Капитал» как целое, если можно так говорить о книге, которая не осуществилась как целое, оставшись без продолжения — не только обещанного, но и необходимого для завершения теории. То, что известно ныне как 2-й и 3-й тома «Капитала», было *post mortem* издано Энгельсом на основе рукописных набросков различной степени готовности. Единственное, что завершил Маркс, — это 1-й том.

Итак, «Капитал» не был завершён. А когда он был начат? Вопрос не праздный. Довольно важный, я бы сказал, если мы хотим правильно понять замысел этой книги. Тот замысел, который ускользает от многих и многих — короче, от всех, кто ставит эту книгу в ряд обычных научных монографий.

В 1859 г. Маркс, живший в Лондоне, публикует в Германии две первые главы работы «К критике политической экономии». Затем он бросает незавершённую рукопись и начинает писать новую (позднее материал опубликованных глав стал основой первых двух глав 1-го тома «Капитала»). Но и незавершённая «К критике...» была не первым покушением Маркса на политэкономия.

За 10 лет до того, в 1849 г. Маркс печатает в своей «Новой Рейнской Газете» серию статей с продолжением под общим названием «Наёмный труд и капитал». Нельзя обойти вниманием, что это были передовицы (!) и что публиковались они в самый разгар революции (!!). Указанные детали свидетельствуют о том, что Маркс придавал своим статьям первостепенное значение в контексте безоглядной и радикальной революционной пропаганды, которую вела его газета.

Идеологически, названное выше — нечто вроде специального приложения к «Манифесту Коммунистической партии».

С чисто научной позиции, без скидок на что бы то ни было, перед нами предстаёт краткий реферат весьма вульгаризованного рикардианства. Но адресовался текст, заметим, не учёной аудитории.

По целевому же назначению — это не что иное, как подстрекательская прокламация. Последнее бросает определённый свет на истинную цель политико-экономических штудий Маркса. По крайней мере, в период его революционной молодости.

Как можно уже догадаться, работа не была завершена (Маркс — автор незавершённых книг по политэкономии). Вмешались внешние обстоятельства: газету закрыли, Маркса выслали из Германии. Но и рукописи готового продолжения не было обнаружено позднее в

архивах Маркса. Найден был только план этого продолжения в тезисной форме под названием «Заработная плата». Если сложить опубликованную и неопубликованную части памфлета, перед нами окажется полный план-конспект 1-го тома «Капитала». Верно и обратное: 1-й том «Капитала» есть второе — исправленное и сильно (сильно-сильно) расширенное издание раннего незавершённого памфлета. Многие в «Капитале» выглядят иначе. Но конечные выводы не изменились. По правде говоря, они были чётко изложены ещё в «Манифесте Коммунистической партии».

Из всего сказанного можно видеть, насколько своеобразен научный метод Маркса: сперва выводы, потом обоснование. Выводы были сделаны в молодости и никогда не менялись. Всю последующую жизнь свою он писал обоснования для этих выводов и строил доказательства (так и не закончив этой работы, как сказано). Не погрешив перед истиной, можно сказать, что вся теоретическая работа Маркса была детерминирована заданной наперёд пропагандистской установкой. «Капитал» начинается в «Манифесте» и заканчивается им же (последние слова 1-го тома — цитата из «Манифеста» о могильщике буржуазии)². Могло ли статься, что столь своеобразный подход не сказался на содержании книги?

Мастерское построение

Вспомним, что законы — трудовой стоимости и прибавочной стоимости — не были доказаны (обоснованы) в 1-м томе — скорее, только постулированы. В связи с этим автор обещал (на страницах того самого 1-го тома) сделать это в последующих томах. Между тем, ничто не мешало заняться этим делом в той же книге, сразу после изложения теории прибавочной стоимости. После главы X, где фактически завершается теоретическая часть 1-го тома, следуют ещё 14 (даже 15³) глав, составляющих около 80% объёма книги. Но с теорией уже покончено.

Откладывание такого принципиального (методологически и содержательно) дела, как завершение теории, до издания следующих томов не было продиктовано научной необходимостью (и даже шло вразрез с нею). Приоритет получила вненаучная необходимость — та политическая пропаганда, о которой два друга цинично обменялись мнениями в цитированных выше письмах. Все дальнейшие 4/5 объёма книги занимают фактография и комментарии к ней. И все это подаётся под заголовком «Производство прибавочной стоимости». Автор не стал обосновывать свою теорию принятым в науке путём. Он предпочёл иллюстрировать её реалиями, полагая, что подтверждает теорию практикой. Так сказать, «критерий истины».

Публичный успех 1-го тома превзошёл все ожидания. Задержка с выходом продолжения привела к концентрации общественного внимания на томе 1, ставшем для социалистов «библией научного коммунизма». Гегелеобразные выкрутасы, стилистические «красоты» и журналистские находки, греческие и латинские вставки, непомерное количество цитат и сносок (в значительной степени необязательных или избыточных) со ссылками на три сотни авторов, высокомерное третирующее почтение к именам, но главное — огромное число ужасающих фактов о тяжёлой участи трудящихся классов и неуправляемой алчности капиталистов (фактов, казалось, со всей очевидностью подтверждающих изложенную теорию) — все это не только поражало воображение полубразованной публики, но и учёным по роду занятий внушало глубокое уважение к учёности автора и, следовательно, к тому, что он пишет, а также и к его этической позиции страстного борца против угнетения и несправедливости. Даже чудовищный объём книги воспринимался как её научное

² Формально последней является глава XXV — «Современная теория колонизации». Там доказывается, что в колониях нельзя разбогатеть одним лишь трудом, а только лишь эксплуатацией труда. Однако тематически, содержательно и функционально она является частным приложением к основному корпусу книги.

³ См. прим. 2.

достоинство.

Автор вскоре понял, что можно не спешить с продолжением. В столе у него лежала рукопись — набросок всего «Капитала». Из неё вышел первый том, но дальше ему не писалось. Изредка он принимался что-то писать и бросал, не закончив. Последние пять лет жизни он уже не возвращался к «Капиталу», бросив мимоходом (в письме к одному из своих немецких корреспондентов), что 1-й том следует рассматривать как труд законченный и самодостаточный (!).

После его смерти Энгельс понял, что тома 2 и 3 нужны — их наличие создаёт видимость завершения системы, что дополнительно работает на авторитет 1-го тома. Авторитет 1-го тома взаимно влияет на восприятие текста томов 2 и 3. Проблематика последних интересует, в основном, немногих специалистов, читать их пытаются считанные единицы, да и те — в большинстве своего меньшинства — делают это не критически. Уж, наверное, столь учёный и прославленный автор доказал там всё, что нужно... Если вспомнить сказочный образ «жизненной силы Кощея», пребывающей в многослойной упаковке, получим метафору жизненной силы «Капитала». Вся она (от первого издания и до сего дня) сосредоточена в его 1-м томе. Внутри него — в его пропагандистской части, а внутри последней — в огромном фактологическом материале из английской действительности и истории.

Итак, «Капитал», том 1. После того, как было «доказано» (фактически, лишь декларировано), что всякая капиталистическая прибыль есть только и исключительно неоплаченный труд рабочих, Маркс обеспечил себе свободу революционной пропаганды прямо на страницах учёной монографии. Все свидетельства о бедственном положении рабочих (которые собирались не автором, а — отметим — фабричной инспекцией, учреждённой правительством, парламентскими комиссиями и «буржуазными» журналистами) превратились в прямое эмпирическое подтверждение теории Маркса. Не в «диалектическом» шельмовстве первых глав, а в этой фактографии — залог всепобеждающей убедительности Марксовой теории эксплуатации. «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» (Ленин). А почему оно «верно»? Ну, вы же видите, что творится...

Ну-хау: Как превратить научный труд в роман ужасов и заработать на этом моральный капитал

Искажай перспективу. Сообщения об ужасающем положении рабочих на каких-то предприятиях, о жутких условиях труда и быта, о жестокой эксплуатации труда девушек и детей, о катастрофическом состоянии здоровья рабочего люда в каких-то местностях или отраслях — всякие такого рода *экстраординарные* случаи, самое непереносимое в глазах фабричных инспекторов, парламентариев или «буржуазных» газетчиков, *вопиющие эксцессы* (нередко устранённые уже, когда писался «Капитал») — все сказанное представлено Марксом как *рядовые* явления, *имманентные* пороки и *органические* язвы капиталистического общества.

Вклинюсь: вообще-то, это всё именно что имманентно присуще капитализму: если можно платить меньше, а эксплуатировать больше, так и будет делаться. — W.

А сами эти комиссии и инспекции, парламентские слушания и фабричное законодательство? «Что ещё могло бы лучше характеризовать капиталистический способ производства, чем эта необходимость навязать ему принудительным законом государства соблюдение элементарнейших правил гигиены и охраны здоровья?» — восклицает Маркс. Подразумевается, что при социалистическом способе производства правила охраны труда и техники безопасности будут соблюдаться сами собой, без «навязывания» законом государства...

С чего бы? Просто отношение социалистического государства почти ко всем социальным вопросам парадигмально иное, чем у капиталистического. И предоставление

социальных благ для него естественно, в отличие от. — W.

Нагнетай эмоции посредством буквализации метафор. Как только читатель переступает границу научной части книги, он замечает, что капитал уже не присваивает прибавочную стоимость, а высасывает её из рабочего. Таким манером автор теперь предпочитает выражаться. Эмоциональный накал продолжает нарастать. Затем капитал начинает «высасывать» из рабочего уже не прибавочную стоимость, а его рабочую силу. Наконец, при упоминании о детском труде ранее найденный образ становится зловеще натуралистическим: капитал «высасывает»... детскую кровь.

Да, образно. Но разве противоречит фактам? Другое дело, что сам Маркс был не против и считал это нормальным: «Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумлённым источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития». — W.

Почаще выражай моральное негодование. Подчас чрезмерное и по-видимому наигнанное. Один из примеров. Воспроизводя показания железозаводчика в комиссии по детскому труду от 1865 г., Маркс вставляет в скобках свои замечания:

«Это правда, что потеря, происходящая от бездеятельности машин, распространяется на все предприятия, в которых работают только днём. Но применение плавильных печей повело бы в нашем случае к экстраординарным потерям. Если их не гасить, растрачивается топливо» (вместо жизни рабочих, которая растрачивается в настоящее время), «если же их гасить, то теряется время на то, чтобы вновь развести огонь и получить необходимую температуру» (тогда как потеря даже восьмилетними детьми сна является выигрышем рабочего времени для всей этой братии), «да и сами печи пострадали бы от перемены температуры» (тогда как те же печи несколько не страдают от дневной и ночной смены труда).

В огороде бузина... Заводчик всего лишь объяснял, почему технология требует круглосуточной работы. Ремарки Маркса натужны и в данном контексте попросту нелепы. Но попробуй подступить к моральной позиции автора! Он защищает слабых и угнетённых!

Описывая упадок ручного шитья вследствие повсеместного внедрения швейных машинок, Маркс позволяет себе такое заявление: «Ужасающий рост числа случаев голодной смерти в Лондоне за последнее десятилетие идёт параллельно с распространением машинного шитья». Само собой, в таком контексте «параллельно» звучит как «вследствие». Почти наверняка какие-то белошвейки теряли работу и, возможно, кто-то из этих бедных созданий погиб от недоедания. Но в серьёзном исследовании подобные заявления принято подкреплять объективными данными. Может быть, Маркс показал, что имеется какая-то корреляция между двумя процессами? Он постарался, как мог. Чтобы слова про «последнее десятилетие» не остались голыми, он сообщает (в сноске) о пяти (!) случаях голодной смерти... за одну неделю февраля 1864 года (а вы уж сами умножайте эти пять случаев на число недель в десятилетке). Кто были эти несчастные, сколько белошвеек было среди них? Он и сам не знал — видимо, газеты, откуда взято это сообщение, в детали не вдавались. Да так ли нужны детали, когда уже известно, что все зло — от капитализма?

Профессионализму — бой!

Процесс индустриализации на начальном этапе вызывает увеличение спроса на рабочие руки. Однако, по мере роста механизации и производительности труда в отдельных отраслях может наблюдаться сокращение численности фабричных рабочих. Приток части населения в город из деревни, чем бы это ни объяснялось, также вызывает избыток рабочих рук на рынке труда. И в периоды спадов, когда производство сокращается, растёт безработица. Эти

известные вещи нужно было здесь напомнить читателю, так как сейчас мы с Марксом обращаемся именно к данному сюжету.

Приводя данные о пауперизации в 1860-65 гг., автор «забывает» указать, что в это время в Англии сильно подскочили цены в связи с ввозом большого количества золота из Калифорнии и Австралии. И что в это же время, из-за Гражданской войны в США, резко упал ввоз американского хлопка — сырья для ведущей тогда отрасли британской индустрии. Понятно, что в эти годы имел место экономический спад, но сие осталось за пределами рисуемой Марксом картины. Как увидим ниже, он настаивал, что пауперизация есть имманентное свойство капитализма.

Таки имманентное как системы, в современности на тему пауперизации пришёл прекариат — но суть явления та же самая: капитализму безразлично, как живёт народ; суть капитализма — в максимизации частной прибыли. — W.

*...Маркс серьезно занимался вопросами периодических кризисов, ища причину, как положено историческому материалисту, в «производительных силах» (износ оборудования). По этому вопросу имеется любопытная переписка с Энгельсом. Насколько можно судить, Маркс представлял себе износ и обновление промышленного оборудования страны как **циклический синхронный** процесс — в какой-то момент вся машинерия страны одновременно изнашивается и обновляется. В чём, в чём, а в этих делах совладелец хлопкопрядильни Энгельс ориентировался неплохо. Как мог деликатно, он попытался вразумить великого экономиста. Но безуспешно. К сожалению, теория периодических кризисов Маркса осталась незавершённой...*

Вернёмся к тому 1. Пример того, как Маркс обращался со статистическим материалом, можно найти в его обращении с данными всеобщей переписи в Англии 1861 г. (с. 457). Задача: подтвердить чисто умозрительное заявление, будто рост производительности фабричного труда ведёт к тому, что «все большая часть рабочего класса» употребляется в качестве «слуг, горничных, лакеев».

Делает он это так. Сперва из общей численности населения вычитается ряд плохо определённых категорий. Остаётся 8 млн. человек, «так или иначе функционирующих в производстве, торговле, финансах и т. д.». Из них даётся численность «класса прислуги» (состав не раскрыт) и отдельно по четырём несопоставимым рубрикам занятых в производстве. В текстильной промышленности — «все занятые», в горном деле — тоже, в сельском хозяйстве — только «рабочие», в металлургии и металлообработке — просто «занятые» (все — не все? рабочие или включая другой персонал?) и т. п. Где торговля? Где финансы?..

Затем Маркс берет сумму только по двум рубрикам (текстиль и горное дело) и сопоставляет с численностью «класса прислуги». Эта вторая цифра оказывается больше первой. Потом он складывает другую пару показателей численности (текстиль и металлургия с металлообработкой) — и снова с тем же результатом. Повторяю: для сравнения с численностью «класса прислуги» берётся не суммарное число по остальным четырём категориям, а в отдельности — сперва по двум и затем ещё по двум. Там на глаз видно, что сумма по всем четырём рубрикам занятых в производстве более чем вдвое превышает численность «класса прислуги». Численность сельскохозяйственных рабочих Маркс не трогает, потому что, если прибавить к ней ещё одну любую отрасль, сумма выйдет больше, чем «класс прислуги». Из всех этих манипуляций делается вывод: «Что за превосходный результат капиталистической эксплуатации машин!»

Нелепость вывода вполне соответствует всему набору нелепостей в методологии. Оттого не сразу и заметишь, что исходный тезис сформулирован в динамике, а данные приводятся за один год. Рост производительности труда, рост численности слуг... все это предполагает сравнение показателей по годам или периодам. Переписи в Англии, между прочим, проводились каждые 10 лет, начиная с рубежа XVIII–XIX вв. Но Маркса такие мелочи не заботили.

А ведь мы ещё не знаем, что такое «прислуга» в этой переписи. Как эта категория

называлась по-английски, и не входит ли сюда обслуживающий персонал каких-то бизнесов или госучреждений, кельнеры, служащие отелей, работники транспорта, почты, торговли и пр. и пр. — мы тоже не знаем. Подозреваю, что не знал и сам величайший экономист.

Вообще, эти страницы отличаются избытком числового материала — как правило, или несопоставимого, или не поддающегося интерпретации, или просто избыточного, когда самому автору заведомо непонятен ни смысл этих чисел, ни их доказательные возможности. Да ещё подчас с ужасающей точностью, например: «...паровых ткацких станков 85 622, веретён (за исключением тростильных) 681 9146, лошадиных сил в паровых машинах 27 439, в водяных колёсах 1 390, занято лиц на этих фабриках 94 119».

Так и видишь, как неутомимый труженик науки добросовестно переписывает эти цифры в свою книгу, сам не зная зачем. К счастью, в данном случае он приводит сопоставимые данные по двум моментам времени. Но ради чего такая дотошная точность? Только чтобы показать, что численность занятых снизилась на 5,5%! Кто эти исчезнувшие с фабрик 5,5% занятых, чем они занимались, куда делись? Этого Маркс не сообщает. И не знает. И не пытается узнать. Он уже всё доказал!

Идём дальше. Капитализм вреден для людей не только в городе, но и в деревне. Ибо капиталистическое производство вызывает отток населения из деревни и тем самым «препятствует обмену веществ между человеком и землёй, т. е. возвращению почве её составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских рабочих». Ну, это уже ясно: капиталистическое производство «нарушает» и «разрушает» всё и вся вокруг себя...

А про что, собственно, эта высокоучёная тирада? Предоставим читателю возможность самому поискать объяснений, почему (и каким образом) нарушение плодородия почвы вредит физическому здоровью только городских рабочих и духовной жизни — только сельских. Гораздо понятнее идея Маркса касательно «обмена веществ между человеком и землёй».

Когда отток населения из деревни вызывало социалистическое производство, оно точно так же препятствовало «возвращению почве её составных частей, использованных человеком в форме средств питания...». Поэтому партия посылала горожан «в колхоз». Исправно возвращали мы почве её составные части, использованные нами в качестве средств питания, и тем повышали её плодородие.

Своеобразное представление Маркса о навозоудобрении не только говорит об уровне его познаний в сельском хозяйстве, но и показывает его способность глубокомысленно рассуждать о вещах, пребывающих за пределами его широчайшей эрудиции. Хотя читателей «Капитала» уже более ста лет поражают его видимые познания в области машин и промышленной технологии, не стоит обольщаться и здесь. Заметим лучше, что «лошадиную силу» он считал силой лошади (с. 402), соответствующую единицу мощности — единицей силы (с. 426), а токарный станок представлялся ему «циклопической машиной» (с. 216 и 397). Поэтому и пишет он: «лошадиных сил в паровых машинах 27 439», вместо: «общая мощность паровых машин 27 тыс. лошадиных сил», как написала бы старший экономист тетя Сара.

Теперь вспомним ещё другое. Нас учили: «Простые моменты труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда». Профессура повторяла из года в год, а нам следовало зарубить на носу и ответить на экзамене без запинки. Кто замечал, что в этом перечне чего-то не хватает? С меня-то вопроса нет — я двойку получил на экзамене и на тройку пересдал с трудом. Лишь много лет спустя взялся я читать «Капитал» — захватывающее чтение было, доложу вам...

Короче, чего не хватает в перечне Маркса (и не хватало ему в жизни) есть **организация труда**. Это бесспорно. **Всякому процессу труда присуща какая-то организация**. Полнейшая неорганизованность (если можно такую вообразить) есть просто вырожденный

уровень организации.

Ни в главах о разделении труда и кооперации, ни в главах о машинном производстве, ни где-либо ещё — не ощущается того, чтобы понимал автор значение фактора организации труда. Предмета, с которого начинает свою книгу Адам Смит.

Ещё один пример из нашей студенческой хрестоматии по «Капиталу»: функции денег согласно Марксу...

...По какой-то ассоциации, вспоминается то место у Борхеса, где он приводит классификацию животных из якобы китайской Энциклопедии Благодетельных Знаний. Там говорится: «животные делятся на: принадлежащих Императору, набальзамированных, приручённых, и прочих, отдельных собак, сосунков, бесчисленных, издали похожих на мух, только что разбивших кувшин, включённых в настоящую классификацию...» и ещё есть в том же духе⁴.

...Итак, функции денег по Марксу. Их всего пять: средство платежа, средство обращения, мера стоимости, средство накопления и образования сокровищ, мировые деньги. Тоже чего-то не хватает, как с «простыми моментами труда»? А, может, наоборот — что-то лишнее?

Каким образом деньги обращаются? Путём повсеместной цепи платежей. Покупки, инвестиции, налоги, оплата труда, оплата услуг — все происходит в виде платежей от кого-то кому-то. Говоря коротко, *платёж есть элемент обращения*. Из этих двух Марксовых функций денег одна включает другую как свой элемент (см. у Борхеса). Осталось четыре функции.

Далее, есть национальная валюта и есть международная («мировые деньги»). То и другое выступает в функциях «средства обращения», «меры стоимости» и «средства накопления». Короче, выражение *деньги в функции «мировых денег»* есть тавтология: деньги в функции денег (опять см. у Борхеса). В итоге, приходим к трём функциям денег, как это понимается в обычной, немарксистской науке.

М. Фуко рассказал, как он хохотал над Борхесовой классификацией (далее курсив его): «Предел нашего мышления — то есть совершенная невозможность мыслить *таким образом* — вот что сразу открывается нашему взору, восхищенному этой таксономией...»⁵. Как видим, для Маркса нет ничего невозможного — он мыслил как раз *таким образом*.

Но все это неважно. А важно, что...

...капиталистический способ производства есть зло по всем статьям:

1. Подрыв «источников всякого богатства — земли и рабочего» (с. 515).
2. Создание свободного времени буржуазии «посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» (с. 539).
3. Соккрытие «тайны самовозрастания капитала» за счёт неоплаченного труда (с. 544).
4. Производство и воспроизводство (наряду с товарами) ещё и «отношения эксплуатации» (с. 591).

Как говорится, чего же боле?

Однако, это не конец, а только лишь прелюдия.

Всеобщий кошмар капиталистического накопления

Только после представленного выше нагнетания страстей выдвигается главное обвинение: *чем больше общественное богатство*, тем больше «промышленная резервная армия». И тогда: «Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей

⁴ Хорхе Борхес. «Аналитический язык Джона Уилкинса». Соч. в трех томах. Т. 2. «Полярис», 1992.

⁵ Мишель Фуко. «Слова и вещи». «Прогресс», 1977, с. 31

армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии...».

В этом месте Маркс выкидывает такой номер, перед которым бледнеют любые наши комментарии. Как бы вопрошая: ну хоть один дурак догадается ли? Дело в том, что в немецком оригинале сказано «обратно пропорциональна», а во французском авторизованном издании — как в приведённой выше цитате («прямо пропорциональна»). Русская редакция (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) предпочла французский вариант, оговорив в примечании то, что сказано в немецком оригинале. По-французски одно, по-немецки — противоположное... А как по-испански, по-итальянски, на сербскохорватском, угро-финском? А как на арабском? суахили? урду? пушту? иврите? санскрите?

А как правильно?

Офигел, полез проверить. Таки да, прим. к стр. 660: «В оригинале говорится: «обратно пропорциональна мукам его труда»; исправление сделано в соответствии с текстом авторизованного французского издания. Ред». — W.

Дорогие товарищи! Да не все ли нам равно? Так ли уж существенно — «прямо пропорциональна» или «обратно», да чьи там муки, да чей там труд!.. Написал же Маркс для немцев одно, для французов — противоположное. И ничего не случилось. Все — марксисты. Все согласны: «прямо» — так прямо, «обратно» — так обратно. Как ни скажи, смысл не меняется. **Оба варианта правильны!**

Ибо: «чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. ЭТО — АБСОЛЮТНЫЙ, ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ» (выделено Марксом). При этом: «Подобно всем другим законам, в своём осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится».

Блеск! Все, что не отвечает моему закону, заранее объявляю его модификацией, анализом которой я заниматься не намерен. Замечательно также это «подобно всем другим законам»...

Чтобы не ходить далеко, вспомним один из «всех других законов». Самый простой, школьный Закон Гука. Деформация пропорциональна приложенной силе: $D = kF$, где D — деформация, F — приложенная сила, а k — коэффициент пропорциональности. Последний зависит, при прочих равных, от природы материала, к которому приложена сила F . Понятно, что он будет различным для дерева, металла, бетона или резины. Для одного и того же материала этот коэффициент различен в разных условиях приложения силы (вдоль полосы, например, или поперёк). Такого рода «обстоятельства» модифицируют числовые результаты расчётов, однако они *не модифицируют этот закон в его осуществлении*. Целая наука — сопромат (сопротивление материалов) — построена на законе Гука. Такое возможно только потому, что он действует всегда одинаково и не «модифицируется в своём осуществлении». Ибо это **закон**, а не дышло.

Формула «всеобщего закона капиталистического накопления» (ВЗКН) Маркса в общем виде выглядит так: «чем больше A , тем больше B » (где A — общественное богатство, B — масса нищеты в обществе). Какие можно представить «модификации»? Ну, скажем, «чем больше A , тем меньше B » или «рост или снижение A — не влияют на B ». Других не видно. Так вот, если при осуществлении закона Маркса, заявляет Маркс, обнаружится вторая модификация или третья, все равно ВЗКН осуществляется. Пролетарская наука, понимать надо!

В свете нормальной науки, ВЗКН есть весьма утрированная Марксом старая идея Сисмонди о том, что хроническое недопотребление бедных классов может сочетаться с накоплением общественного богатства. Во второй половине XIX века эта мысль, взятая напрокат, предельно заострённая и названная «абсолютным законом», уже была абсолютной нелепостью. Но последняя оговорка делает «закон Маркса» не опровергаемым ни теорией, ни практикой. Она позволяет трактовать любое развитие (в том числе, и современное положение рабочего класса на Западе) как проявление ВЗКН Маркса. Современные

марксисты (правда, не акцентируя именно ВЗКН, а говоря о теории Маркса вообще) пользуются этой возможностью на всю катушку.

Первородный грех капитализма

...Яростная атака на капиталистический способ производства входит тем временем в решающую фазу. Последний и решительный бой даёт Маркс в главе XXIV, «Так называемое первоначальное накопление». Обстоятельный разбор, какого заслуживает эта глава «Капитала», потребовал бы другой статьи, пообъёмнее, чем настоящая.

Главная задача автора (не сформулированная, конечно) состояла в том, чтобы объяснить появление «производственных отношений» капитализма в условиях, когда ещё не было его «производительных сил» (машинного производства). Однако так не сказано — потому что такая формулировка сходу делает задачу неразрешимой в терминах теории Маркса. Вследствие этого о теории своей он на минутку забывает и сводит задачу к попытке показать *историю* накопления капиталов в Англии.

Ну разумеется, грабёж.

Первым делом было якобы ограблено и экспроприровано сельское население. Да, да — те самые...

...«Огораживания»

Проявляя недостаточное (мягко говоря) знание юридических условий английского землепользования — кстати говоря, хорошо описанных Адамом Смитом, — д-р Маркс, к тому же, слегка перепутал времена и сроки, а также божий дар и яичницу. Вспышки «огораживаний» имели место в XVI и XVIII веках. Так вот, объединив оба периода, Маркс живописал страшную картину массового и повсеместного обезземеливания крестьянства.

Все это было принято на веру учёным миром, покуда на рубеже XIX–XX веков дотошный американец Э.Ф. Гэй (Gay) не раскопал, что за весь XVI век было обращено в пастбища для овец (с изгнанием крестьян) около 0,5% всех пахотных земель и пострадало менее 10 тыс. человек. Гэй поехал в Лондон и сделал то, чего не сделал Маркс, который там жил, — изучил материалы королевских комиссий XVI века. Излишне говорить, что его результаты (кстати, высоко оценённые крупнейшим русским англоведом А. Савиным) были проигнорированы советской наукой, весь XX век которой прошёл под знаменем ложных концепций марксизма.

В созданном Марксом контексте, многочисленные английские законы против бродяжничества превратились в «кровавое законодательство против экспроприированных». Даром, что подобные законы издавались тогда по всей Европе — даже там, где никогда не было овцеводства.

Почему Маркс называет обезземеленных крестьян «экспропрированными»? Ответ: он был уверен, что крестьяне в Англии владели землёй. «Общинная собственность... была старогерманским институтом, сохранившимся под покровом феодализма» (с. 735). Видите, как у нас все научно-исторично?

Крестьяне в Англии не владели землёй. Были лендлорды — дворянство, — которые отдавали им землю в аренду. Крестьяне в Англии — йомены — были арендаторами. Обычным делом была долгосрочная (на 20-30 лет) аренда без изменений арендной платы на весь срок договора. Последнее условие открывало возможность арендатору вкладывать капитал в улучшение земли. У йоменов было право участия в парламентских выборах. Их права держать арендованную землю (пока вносят арендную плату) были защищены законом. Что значит закон в Англии, всем известно. Изгнать йомена с земли было совсем непросто. Все сказанное прекрасно описано у Адама Смита.

А как же XVIII век? — спросит читатель. Да так. Там происходило совсем другое. Называлось тем же словом «огораживания», но делалось это не ради обращения пашни в

пастбища, и крестьян с земли не изгоняли. Имело место развёрстание общих земель — «чёрный передел», что ли. До того была чересполосица, и арендованная земля обрабатывалась сообща. К указанному времени, однако, стали развиваться методы интенсивного земледелия. Это дело — индивидуальное, дело личной инициативы и личных предпочтений. Оттого возникла объективная необходимость передела. Чтобы каждому достался участок, общей площадью равный площади всех его полосок. Эти участки затем *разгораживались* — по-видимому, чтобы предотвратить в будущем споры о меже. Чего не было, так это обезземеливания крестьянства. Йомены исчезали — что правда, то правда. Они превращались в капиталистических фермеров.

Законы против повышения зарплаты

Второй «грех» первоначального накопления. Законы появились уже с XIV века. Маркс подаёт их как сговор государства с нанимателями в целях эксплуатации наёмного труда.

Не мог он не знать о Чёрной Смерти — страшной, опустошительной эпидемии чумы 1348-50 гг., поразившей всю Европу, а в Англии унёсшей от трети до половины населения, притом больше мужчин, а из них почему-то — наиболее трудоспособных возрастов. Серьёзные историки с редким единодушием видят в том опустошении причину упомянутого законодательства. Дефицит рабочих рук вызывал конкуренцию нанимателей, в которой побеждали самые богатые. Законы против повышения зарплаты пресекали конкуренцию, предотвращали разорение «малых бизнесов» и монополизацию рынков, обеспечивали общий рост экономики. По разным причинам, законодательство, регулирующее зарплату, держалось долго и было отменено лишь в 1813 г.

Ограбление колоний

Это третий пункт обвинения — ещё один якобы источник первоначального накопления капитала. Сколь ни правдоподобным — в силу крепко вколотенного предрассудка — казалось бы нам это утверждение, с ним разобраться несложно.

Самые выдающиеся эксцессы грабежа колониальных владений проявили испанцы и португальцы — первые колонизаторы заморских территорий. Однако, ввозимое американское золото развращало испанцев, лишая их стимулов к труду. Отечественное производство не развивалось, и золото уходило за границу, скопляясь во Франции, Голландии, Англии. «Из-за американского золота Испания обеднела», — заключил проницательный Жан Боден (XVI век). Оказывается, грабежом колоний не очень-то разбогатеешь.

В XVI–XVII веках, когда между Испанией, Португалией, Нидерландами, Францией происходил активный делёж новооткрытых земель, Англию раздирали смуты и гражданские войны. Только при Кромвеле (середина XVII в.) она стала морской державой, и тогда обнаружилось, что мир уже поделили и обошлись в этом без Англии. Все значительное, что составило позже Британскую империю, было отбито англичанами у других стран Европы (войны «за испанское наследство», «за французское наследство» и другие).

Ладно, грабёж колоний имел место. И к моменту обретения Англией территорий, составивших её империю, они были изрядно разграблены. Между тем, Англия **уже была** одной из самых богатых стран. Именно её экономических потенциал сыграл решающую роль в военных и военно-морских победах, в завоевании господства на морях и океанах. «Правь, Британия, волнами!»⁶. Сопоставляя утверждение Маркса с историческими свидетельствами,

⁶ Укоренившееся в русской культуре «Правь, Британия, морями», по-видимому, имеет самое косвенное отношение к оригиналу:

Rule, Britannia! Rule the waves!

Britons never will be slaves.

В контексте второй строки («Британцы никогда не будут рабами») первую можно понять так: «Держи,

находим, что всё происходило с точностью до наоборот.

Нет необходимости проследить дальше экономическую историю по Марксу. Здесь не видно признаков научного исследования. Под блестящим журналистским пером автора все упоминаемые им исторические события превращаются в однозначное, целенаправленное *разоблачение хищнической сущности капитала*.

Ещё один пример. Учреждение Банка Англии в 1694 г. положило начало изумительно эффективной финансовой системе, ставшей позже образцом для многих стран (некоторые сравнивали это событие по значению с Великой Хартией Вольностей). Маркс описывает это событие как сделку жуликов. «Какое впечатление произвело на современников внезапное появление этого отродья банкократов, финансистов, рантье, маклеров, спекулянтов и биржевых волков, показывают сочинения того времени, например, сочинения Болингброка», — пишет Маркс и даёт сноску с цитатой... из Монтескье. Только по этим одним его словам можно составить представление об уровне как познаний Маркса в области финансов, так и понимания им значения финансовой деятельности в экономической жизни.

Апокалипсис Карла Маркса

Пересказывать все это можно, но передать трудно, потому что вся соль главы XXIV — в её «пассионарности», в нарастающем эмоциональном накале. Науки нет и в помине. Зато журналистика экстра-класса! Нагнетание внутренней энергии текста, сгущение концентрации злобы и ненависти закономерно выливаются в огульное сплёвывание самой европейской культуры того времени: «С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода ⁷ общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести».

Поклёп, притом весьма наглый (без стыда и совести). Именно тогда общественным мнением Европы впервые поднимаются вопросы о нетерпимости бедноты, нищеты, ущемления трудящихся классов и, наконец, рабства чернокожих. Это мыслители. А лучшие из промышленников новой генерации основывали общества за отмену рабства в американских колониях, кассы взаимопомощи и врачебные диспансеры для рабочих. Не говорю здесь про Роберта Оуэна, который за десять лет сотворил в рабочем посёлке Нью-Ленарк настоящее социально-экономическое чудо⁸.

А здесь автор статьи делает то же самое, в чём обвиняет Маркса: выдаёт отдельные исключения за норму. Причём, замечу, куда более редкие и противоречащие вектору развития капитализма, чем у Маркса. — W.

Охаянный Марксом XVIII век подготовил моральное негодование века XIX, на которое цинично делает ставку автор «Капитала». Маркс похищает нравственное чувство читателя и направляет его негодование на самые основы социально-экономического уклада общества.

В этом случае он не ошибся. С каждой страницей нравственное чувство читателя все больше негодует, все больше кипит наш разум возмущённый. Тучи сгущаются... В воздухе пахнет грозой...

Тррррах! «Централизация средств производства и обобществление труда достигают

Британия, свой курс по волнам!» Тогда «волны» — это метафора.

⁷ «Мануфактурный период крупной промышленности», которого в Англии никогда не было, Маркс относит к XVII–XVIII вв.

⁸ Система детских садов, школ для детей и взрослых, культурный центр с библиотекой, служба санитарного надзора, основы потребительской кооперации, социального страхования и обеспечения. Постоянно работающая народная дружина по охране общественного порядка. Изжиты воровство, драки, пьянство, сексуальная распущенность, расхлябанность в труде, национально-религиозная рознь. Во всем — порядок, трудолюбие, терпимость, взаимопомощь. Посёлок стал чистым, ухоженным, красивым. Реальный доход на душу был значительно выше, чем на других предприятиях. Рабочий день был сокращён с обычных тогда 16 часов до 10,5...

такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют... Это — отрицание отрицания... Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов». И — сноска с революционной цитатой из «Манифеста коммунистической партии». Конец.

Правда, конец в смысле диалектическом. Одновременно, конец и не-конец. Текст 1 тома «Капитала» формально завершается главой XXV (см. прим. 3).

Итак, каковы же в самом деле природа и причины богатства народов? Автор «Капитала» считал, что страна может разбогатеть путём (а) ограбления основной массы трудового населения, (б) снижения уровня жизни трудящихся до низшего прожиточного минимума, (в) перекачки денег и продуктов из подчинённых стран.

Неправда ли, все это делала Коммунистическая партия Советского Союза? Вероятно, поэтому она и стала единственным легальным миллионером в разорённой стране.

Неправда, таки да. Соврамши. Но подробно здесь отвлекаться на оффтоп не буду. — W.

Лженаучный коммунизм⁹

Жил-был фабричный пролетариат. В тяжёлых муках он рождался, несладко жил. Первыми озаботились этим — кто? Угадали: представители «класса-антагониста». Они-то и начали создавать филантропические общества, строить для рабочих жилища, учреждать кассы — страховые и сберегательные, фонды безвозмездных ссуд. Роберт Оуэн был только самым выдающимся деятелем, но не единственным. «Предприниматель должен своим рабочим нечто большее, чем только заработную плату». Кто сказал это — коммунист? социалист? профсоюзник? моральный мыслитель? Это сказал капиталист Ж. Дольфус. Наверное, таких было меньшинство. Но определённо формировалось общественное мнение и даже движение.

Взлелеянная просветителями идея *laissez faire*, истолкованная прямолинейно, оказалась безупречной. Она требовала не допускать объединений (каждый за себя). Значит, рабочие союзы были недопустимы. Как и государственное вмешательство в частный бизнес. В то же время, как указал Адам Смит, нанимателям не обязательно объединяться на формальной основе ради продвижения своих интересов. Не бывает, наверное, ни одного обеда или иного рода неформальной встречи предпринимателей, писал он, который бы не закончился каким-нибудь сговором между ними о ценах, зарплате и т. д.

Общественное мнение пересиливало себя, когда понуждало государство заботиться об интересах рабочих. И все же это было¹⁰. Англия: 1802 — ограничение детского труда, 1804 — первые рабочие сберкассы, 1825 — признание права на забастовки, 1833 — учреждение фабричной инспекции, 1844 — ограничение труда женщин на фабриках. Франция: 1842 — первый допуск рабочих к участию в прибылях, 1848 — первое ограничение рабочего дня мужчин, 1867 — первые общества (не из рабочих) борьбы за охрану труда и технику безопасности.

Все тот же Адам Смит объяснил, что когда страна богатеет, средняя зарплата растёт (новые инвестиции повышают спрос на рабочую силу и усиливают конкуренцию среди нанимателей). Так и было в Западной Европе в XIX веке, особенно после подавления революции 1848-49 гг. За период 1806–1862 номинальная зарплата выросла на 24,5%, а за 1853–1880 — на 70%. Всего за столетие она выросла более чем вдвое при росте стоимости

⁹ Широким употреблением бранного эпитета в советские времена мы обязаны Марксу, хотя не он его придумал. В одном из писем к Энгельсу встречается ссылка на автора: «Лженаука, как говорит Фурье».

¹⁰ См. «Социально-экономические итоги XIX столетия». Соч. Шарля Жида. Перевод с французск. Н.И. Сувинова. С-Петербург. Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Без даты. (Дальше все экономические показатели XIX в. даются по этому изданию).

жизни менее чем на треть. Рабочий день сократился за столетие на 25–35%.

Жил-был рабочий класс. А рядом возник и зажил своей жизнью миф о рабочем классе. Своё окончательное оформление он получил в 1847 году в виде «Манифеста коммунистической партии» Маркса-Энгельса. В этой поэме написано, что с ростом общественного богатства зарплата падает, условия труда ухудшаются, рабочий день удлиняется. Что мужской труд вытесняется женским и детским. Что рабочие суть рабы фабриканта, жадно стремящегося только к своей наживе. Что интересы «пролетариата» и «буржуазии» антагонистичны. Что пауперизм растёт быстрее, чем богатство. Что свобода пролетариата означает гибель буржуазии.

Все тенденции, заявленные в «Манифесте», направлены в сторону, противоположную реальному развитию. Можно ли было надёжно судить о последнем и предсказать его в 1847 году? Конечно. И даже раньше, например в 1776 году, когда вышла книга Адама Смита. Потому что Смит предсказал не только возможность именно такого развития, но и сформулировал необходимые для этого предпосылки. Юные авторы «Манифеста», возможно, что-то слышали о Смите, но, положив руку на сердце, он был им не нужен. Не опирается написанное ими и на какую-либо статистическую базу.

«Манифест» — не результат экономического анализа, он выражает всего только умонастроение авторов. Ни умонастроение их, ни экономические оценки и прогнозы памфлета, ни самый метод оценок и прогнозов — никогда не пересматривались. И не подлежали пересмотру. Целью было что угодно, только не научное познание. Все рассмотрено и изложено *sub specie* революции.

Это потом, когда он получил возможность говорить за двоих, Энгельс заговорил о «научном коммунизме» (для других случаев, например, для английской аудитории, чтобы не пугать, было припасено выражение «научный социализм»). Написан же «Манифест» был не для академических дискуссий, а для политической пропаганды в рабочих кружках и завоевания лидерства в них. То же самое можно сказать о книге «Капитал» (как, надеюсь, показано в настоящей статье).

Чтобы сделать привлекательным «призрак коммунизма», понадобилось сотворить ужасающий призрак капитализма. И Маркс выдумал его — «капиталистический способ производства», представленный в «Капитале». Названная книга — не научная монография. Это — замаскированная под научный трактат («да ещё столь учёного вида и даже с примечаниями по-гречески») чудовищно гипертрофированная подстрекательская листовка.

7 июля 1992 г.